

У-74

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 949.502

УСАЧЁВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА

СТРАНЫ ЗАКАВКАЗЬЯ В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИИ (560-е - 620-е гг.)

Специальность: 07.00.03 - всеобщая история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

Диссертации на соискание ученой степени
кандидат исторических наук

Ереван - 1990

Работа выполнена в Институте востоковедения АН Арм.ССР

Научный руководитель: член-корреспондент АН Армении,
доктор исторических наук
Р.М.Бартикян

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Э.Л.Даниелян
кандидат исторических наук
И.С.Чичуров

Ведущая организация: кафедра истории средних
веков Ленинградского
государственного университета

Защита диссертации состоится "6" декабря 1990 г.
в 14⁰⁰ часов на заседании специализированного совета
К 005.06.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени
кандидат исторических наук при Институте востоковедения АН
Республики Армения.
Адрес: 375019, Ереван, пр.Маршала Баграмяна, 24 г.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института востоковедения АН Армении.

Автореферат разослан "6" ноября 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат исторических наук Б. Е. Арутюнян Р.П.Кондакчян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Рубеж VI и VII вв. занимает особое место в истории Византии. Это обусловлено не только теми социально-экономическими и идеологическими процессами, которые происходили во внутренней жизни Византии и в результате которых она превратилась из восточной части Римской империи в совершенно особый, хотя генетически и связанный с ней, государственный организм - Византийскую империю. Во многом, формирование своеобразия византизма происходило под влиянием тех катаклизмов во всей политической ситуации на Переднем Востоке, которые имели своим следствием изменение в расстановке сил в этом регионе.

В византиноведении сделаны лишь самые незначительные шаги по пути признания того вклада, который внесли отдельные народы, в частности, народы Закавказья, в византийскую цивилизацию. Большая же часть византинистов стоит на позициях византийского универсализма.

Комплексное изучение восточной политики Византии в данный исторический период может послужить делу развенчания подобных устойчивых, но весьма спорных, стереотипов в византиноведении в частности и в исследовании любой империи в целом.

Следует отметить, что вычленение и изучение отдельных регионов из политической системы Византии чревато опасностью искажения общей картины в сторону преувеличения значения данного региона. С другой стороны, исследование такого своеобразного государственного организма, каковым являлась Византия, как органического целого, а не синкретического комплекса, без указания на специфические особенности каждого составляющего ее региона, неизбежно приводит к неправильному пониманию всего общего хода исторического развития империи.

Нами предпринята попытка осмыслить как ту политическую ситуацию, в которой оказалась империя на рубеже двух веков и двух эпох, те цели, которые стояли перед Византией в ее восточной политике, так и то место, которое занимали Армения и другие страны Закавказья в этой политике. Главным образом мы обращались к взаимоотношениям Византии с Арменией. Это вызвано тем, что в указанный период она играла особую и весьма значи-

тельную роль в политической жизни Византии и Ирана. Это приводило к тому, что она упоминается в греческих и сирийских источниках чаще, чем другие страны Закавказья. С другой стороны, мы сознательно не ограничивались исследованием только места Армении и армян в политической жизни Византии, так как считаем, что сравнительный анализ политических отношений с другими народами Закавказья позволит полнее высветить закономерности и те общие приемы, которые использовала империя в каждый определенный отрезок своей истории для достижения своих политических целей на Востоке.

Цель и задачи исследования. Исследование причинно-следственной связи исторических явлений в этом регионе в широком контексте внутренней и внешней политики Византии в 60-х годах V в. - 20-х годах VI в. и определение места и роли народов Закавказья в этом процессе стало целью данной работы. Мы посчитали целесообразным поставить себе задачу исследовать проблему не в традиционном аспекте - политические взаимоотношения Византии и стран Закавказья, а оценить эволюцию их отношений опосредованно, через отображение всего комплекса проблем, стоявших перед империей на Востоке в тех временных рамках, которые очерчены темой данной диссертации. Однако, так как данная работа охватывает значительный временной период, насыщенный многими важными событиями и явлениями, то она неизбежно будет носить во многом общий характер. Мы также не ставили себе задачей в данном случае глубоко изучать те процессы, которые происходили во внутренней жизни народов Закавказья, поскольку они подробно исследуются в работах кавказоведов, на чьи выводы мы во многих случаях опираемся.

Хронологические рамки. Настоящее исследование охватывает время правления четырех императоров /560-е - 620-е г.г./. Это обусловлено тем, что историю постюстиниановской Византии приходится рассматривать как определенный, внутренне целостный период ее развития. Верхней границей нашего исследования является время, непосредственно предшествующее арабским завоеваниям. Хотя о реальных результатах политической деятельности приемников Юстиниана на византийском престоле, и в особенности Ираклия, в полной мере можно судить лишь по тем событиям, ко-

торые последовали непосредственно за арабскими завоеваниями и окончательным падением сасанидского Ирана, однако, мы сознательно ограничили временные рамки данного исследования последней войной с Ираном, так как очень важно провести линию, отделяющую влияние конфликтов с сасанидским Ираном от влияния конфликтов с исламской Аравией на историю Византии.

Научная новизна. Проблема восточной политики Византии в к.VI - нач.VII вв. впервые в византиноведении исследуется в данном аспекте и в данных временных рамках. Впервые сделана попытка определить место и значение стран Закавказья в политике империи, по-новому осмыслены те объективные причины, которые привели к чрезвычайному возрастанию роли армян в империи в VI в.

Методика исследования. Настоящая диссертация базируется на принципах исторического и источниковедческого анализа, выработанных в отечественной и мировой науке.

Практическое значение. Материалы диссертации могут оказаться полезными для проведения университетских специальных курсов по истории внешней политики Византии. Они могут быть использованы специалистами в исследованиях, посвященных истории империи и сопредельных с ней стран в раннем средневековье.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела кавказоведения и византистики Института востоковедения АН Армении. Основные положения и результаты настоящего исследования докладывались автором на республиканских конференциях молодых востоковедов /Агверан, 1985, 1986, 1987 гг./, на республиканской конференции молодых историков /Ереван, 1987/, на научной конференции студентов и аспирантов исторического факультета ЛГУ /Ленинград, 1987/, на научной конференции ИВ АН Арм.ССР /Ереван, 1989/.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, её научная новизна, определяются цели, основные задачи, практическая значимость и хронологические рамки исследования, дается обзор использованной литературы.

В первой главе диссертации исследуется восточная политика Византии в годы правления Юстина II и Тиверия. Общепринятым в науке мнением является то, что Юстин II проявил несостоятельность как государственный деятель. Однако факты показывают, что им предпринимались весьма активные попытки стабилизировать внешнеполитическое положение империи. С этой целью ему пришлось переориентироваться во внешней политике и отступить от завещанного Римом принципа использования силы в качестве основного аргумента во взаимоотношениях с окружающим миром. Этот процесс при Юстине II только зарождался, получив свое развитие при его преемниках, в особенности при Маврикии, и завершился при Ираклии.

Юстину II приходилось в своих действиях руководствоваться статьями договора 561 г., поэтому полученное им наследство, в особенности на Востоке, создавало впоследствии у исследователей иллюзию его неактивности и безинициативности во внешней политике, в то время как речь шла только об известной приспособляемости к новым условиям в политике Юстина на Востоке, с одной стороны, и о вынужденности постоянно оглядываться на договоры и обязательства, взятые на себя его предшественниками, с другой.

Первый параграф главы посвящен спорам Византии и Ирана по вопросу о Свани. Именно в 560-е г.г. Свания становится основным камнем преткновения в византийской дипломатии. Возрастание значения Свании связано с стремлением Византии наладить прямые контакты с тюрками. Контроль над Сванией предоставлял ей возможность не зависеть от назойливого диктата Ирана в международной торговле и свести на нет те преимущества, которые он извлекал из посредничества в торговле между Западом и Востоком. Таким образом, мы приходим к заключению, что в основе всех споров вокруг Свании в 560-х г.г. стояли экономические, а не военные интересы.

Второй параграф посвящен политике Византии в вопросах религии. Одним из важнейших вопросов, во многом определявших цели и задачи восточной политики империи, был вопрос религиозных противоречий империи с восточным христианством. Политика Юстина II была естественным продолжением попыток добиться

религиозного единения, предпринимавшихся еще во времена Юстиниана. Ошибочно возлагать всю вину за сложную идеологическую обстановку на христианском Востоке исключительно на политику администрации империи. Для восточного христианства было вообще характерно групповое разномыслие. Неверно также объяснять несогласие монофизитов и несториан Востока принять диофизитство исключительно их партикуляристскими устремлениями и желанием отделиться от ассимилирующего влияния византийской цивилизации. Красноречивым примером тому, что принятие ортодоксии не влекло за собой обязательной ассимиляции могут служить грузины, которые став халкидонитами сохранили свою этническую и культурную самобытность.

Юстин II издал Эдикт, следствием которого стали религиозные гонения на монофизитов и несториан, явившиеся выражением политической дисгармонии во взаимоотношениях правительства с подданными своих восточных провинций. Это имело печальные последствия, так как Византия стояла на пороге новой войны с Ираном и восточные провинции в скором времени подверглись нападению врага.

В третьем параграфе исследуется политическая ситуация в византино-иранских взаимоотношениях накануне новой войны и восстание армян в 571 г.. Изучение восстания армян с точки зрения восточной политики Византии представляет несомненный интерес и дает многое для понимания как той политической обстановки, которая сложилась в этом регионе в постюстиниановский период, так и причин и обстоятельств самого восстания.

Учитывая политическое и экономическое состояние империи, следует признать, что в этот период не могло быть и речи об активном военном вмешательстве империи в события в Армении. В то же время, существовало по крайней мере три причины по которым империя была заинтересована в восстании в Персидской Армении именно в начале 70-х гг.. Во-первых - это появление в поле зрения византийской дипломатии тюрков; во-вторых, экспансия аваров и славян на Балканах и, в третьих, истечение срока выплаты Ирану очередного взноса за охрану восточных проходов от кочевников. Все это заставляло Византию содействовать освободительному движению в Армении и Грузии с целью отвлече-

ния внимания Ирана и создания напряженности в его пределах и на границах.

Основной причиной восстания послужило усиление идеологического давления на христиан Армении и насаждение здесь зороастризма. Резкая перемена в отношении Юстина к армянам в связи с восстанием от жестоких гонений до раздачи золота и почетных титулов и освобождения от налогов свидетельствуют о том, что в конце VI в., несмотря на раздел между Византией и Ираном, Армения воспринималась как единое целое. Раздел Армении между двумя державами заставлял их постоянно ориентироваться на то, что противная сторона может воспользоваться малейшим просчетом. Это позволяло армянам активно влиять на политику обоих государств, а порой и диктовать свои условия. Эту взаимосвязь политики Ирана и Византии в Армении красноречиво характеризует обстановка вокруг восстания 571 г.. Обострение конфессиональных противоречий и гонения на монофизитов в Византии при Юстине II чрезвычайно ослабили позиции империи в ее восточных провинциях, а с другой стороны дали возможность Ирану ужесточить идеологический нажим на своих подданных-христиан. Это привело к восстанию в Армении. Восстание послужило причиной того, что Византия срочно переориентировалась в своей религиозной политике и прекратила гонения на восточных христиан. Хосров, в свою очередь, отказался от строительства храмов огня в Армении и прекратил преследования христиан. Таким образом, кривая религиозной политики двух держав по отношению к монофизитам, описав круг, замкнулась и конфессиональная карта как в Армении, так и в Византии и Иране приняла те же очертания, что и в 565 г.

Значение восстания 571 г. состояло в том, что империя вновь сконцентрировала свое внимание на Востоке, причем не только на византино-иранских отношениях, но и на византино-армянских. В отличие от прежних лет, империя стремилась воздействовать на Армению и Грузию не путем религиозного давления, а перешла к реализации имперской, в чем-то более гибкой политики в этом регионе. Восстание явилось причиной политического кризиса, приведшего к началу новой войны между Византией и Ираном. Стоявшая перед империей задача в связи с восстанием - нанести удар по Ирану изнутри и при этом избежать войны, выполнена не была.

В четвертом параграфе рассматриваются основные моменты восточной политики Византии в годы двадцатилетней войны, начавшейся в 572 г.. Пока в Армении положение дел оставалось неопределенным, империя не могла вести борьбу с Ираном с расчетом на реальный успех. Поэтому Тиверий, став кесарем в 574 г., заключил с Ираном перемирие на три года с тем условием, что война будет продолжена в Армении. Это неминуемо приводило к тому, что значительная часть армянских войск волей-неволей оказывалась втянутой в борьбу на стороне одного из противников. Отношение к Армении обеих держав было таково, что поделив ее между собой и ведя бои лишь на её территории, они считали себя вправе полагать, что в течение этих трех лет они находились в состоянии мира.

Перемирие закончилось новыми переговорами. Одним из выдвинутых Ираном условий было возвращение ему Персармении и Иверии. Тиверий был склонен уступить их Ирану, так как, вероятно, ко времени проведения этих переговоров восстание в Армении пошло на убыль, и шансов на успех у Византии фактически не было. Империи предоставилась возможность выйти из войны без потерь, так как Персармению и Иверию считать потерями было нельзя вследствие их прежней принадлежности Ирану. Тиверий, однако, отказался выдать тех армян, и грузин, которые бежали в империю. В данном случае он проявил дальновидность, так как выдав восставших, он мог отбить у них желание впредь обращаться к Византии с целью создания антииранского союза.

Мирный договор, однако, не был заключен. Зимой 578 г. новый командующий войсками на Востоке Маврикий вторгся в Арзанену и захватил множество пленных. Большая часть их была переселена на Кипр.

Переселение жителей Арзанены на Кипр является одним из самых драматичных моментов как в истории империи, так и в истории Армении. Колония на Кипре была первой армянской колонией в раннем средневековье. Она являла собой первый опыт переселенческой политики империи и успех этого предприятия во многом способствовал тому, что этот опыт учитывался впоследствии при массовых переселениях, осуществляемых империей.

Обладание Кипром, этим великолепным стратегическим плац-

дармом, давало империи значительные преимущества в ее соперничестве с Ираном и делало персов уязвимыми со стороны моря. Переселение же значительного числа армянских жителей, с одной стороны, укрепляло экономику и обороноспособность острова, с другой - чрезвычайно ослабляло Арзанену, которая всегда была труднодоступным для византийцев районом, вследствие выказываемого им здесь стойкого сопротивления местных жителей.

Вторая глава диссертации посвящена восточной политике Маврикия; в первом параграфе рассматриваются события первых лет его правления вплоть до 591 г.. Подробно освещается ход восстаний в армиях Византии и Ирана. На основе сообщений Себеоса уточняется, что в 589 г. во время восстания в армии империи, персидские войска вели бои в Тароне и Езнунике не с византийскими соединениями, как принято было считать, а с армянскими. Это объясняет, почему персам не удалось воспользоваться беспорядками в Византии. Кроме того, Византии удалось организовать наступление на Иран с трех сторон: с запада - византийцев, с севера - хазар, с востока - турков, причем поход хазар был инспирирован грузинским князем Гурамом по поручению Маврикия.

Общая неспокойная обстановка на Востоке способствовала тому, что как в западной, так и в восточной Армении начались восстания. На наш взгляд, оба восстания были скоординированы и имели целью освобождение от диктата двух империй, одновременно переживавших критическое положение в связи с мятежами в своих войсках. Неустойчивое положение в империи и желание Маврикия урегулировать свои взаимоотношения с армянами выразились в том, что после подавления восстания его вождь Смбат Багратуни не понес немедленного наказания.

Дальнейшая военная конфронтация на Востоке была прервана восстанием Бахрама Чобина и явившимся его следствием бегством Хосрова II в византийские пределы. С первых чисел марта 590 г. начались заочные переговоры Хосрова и Маврикия о помощи империи в борьбе шаха с узурпатором. 40 тысяч византийских войск, включая значительные армянские контингенты, выступили против Бахрама. Учитывая тяжелое положение Византии в конце 80-х гг., можно понять, сколь своевременным оказалось обращение Хосрова

за помощью, сулящее в недалеком будущем мирную передышку и значительные территориальные приобретения в Армении и Иверии без каких-либо значительных военных затрат. Зная о том, сколь развита была в Иране приверженность к правящей династии, Маврикий, предоставляя помощь Хосрову, обеспечивал стабильность своих отношений с Ираном, так как шансы Бахрама Чобина на удержание трона были ничтожными.

Нам представляется необоснованной точка зрения, согласно которой одной из целей, которую преследовала империя своим участием в спорах о престоле в Иране, было стремление ослабить армянское войско. Достаточно вспомнить, что значительную часть собственно армянских формирований, выступавших на стороне Хосрова, составляли войска Мушега Мамиконяна, который был предан сасанидской династии и содействовал Хосрову, руководствуясь своими интересами, без указания Маврикия. В Иране сложилась парадоксальная ситуация, когда армянин Мушег оказался большим приверженцем традиционного для персов принципа легитимизма, чем Бахрам Чобин - представитель одной из шести древнейших и знатнейших иранских фамилий, традиционно поддерживавших Сасанидов.

Ошибочной, на наш взгляд, является и та точка зрения, согласно которой, на решение Маврикия оказать помощь именно Хосрову повлияло опасение, что Чобину удастся привлечь армян во главе с Мушегом на свою сторону обещаниями восстановить Армянское царство. Во-первых, согласно Динавари, Мушег сразу определился в своем отношении к восставшему; во-вторых, восстановление Армянского царства при сложившихся обстоятельствах в данном регионе не было возможно без согласия обеих держав. Таким образом, обещание Чобина было с самого начала невыполнимым.

Во втором параграфе главы дается картина внутреннего и внешнего состояния империи после 591 г. и на этом фоне рассматривается политика империи по отношению к соседним полузависимым странам, на примере Грузии. Отмечается, что в целом последнее десятилетие VI в. было связано с рядом потерь во внутренней и внешней жизни империи: восстанием в армии, стихийными бедствиями, сильными землетрясениями, нападением саранчи. Таким образом, Маврикий не имел возможности вести активную наступательную политику на Востоке.

Те приемы, которыми пользовалась Византия в своих взаимоотношениях с окружающими ее народами, в частности, народами Закавказья, в общем не отличались многообразием. Исследование взаимоотношений Маврикия с грузинами позволяет нам воссоздать общую картину византийской политики в Закавказье в последнее десятилетие VI в.. Так, Маврикий воспользовался обращением грузинских эриставов, просивших назначить им правителя из рода грузинских царей, с тем чтобы в обход Ирана, господствовавшего в Картли, укрепить здесь свое влияние. Несомненно то, что назначенный правителем Гурам, пользуясь поддержкой императора в своей политической карьере, не был полностью подотчетен Маврикию в своих действиях и не приравнивался по своему статусу к простому правителю провинции. Орывочные свидетельства грузинских источников позволяют нам весьма схематично представить картину взаимоотношений империи с полузависимыми правителями Закавказья. Особенность политической ситуации состояла в том, что хотя формально Картли находилась под властью Ирана, фактически ее правитель был в состоянии самостоятельно выбирать свою политическую ориентацию. Чем сложнее было положение в каждой из противоборствующих держав, тем, соответственно, больше возрастала роль в этой борьбе полузависимых от них правителей. После заключения в 591 г. мирного договора положение Картли резко изменилось. По требованию Маврикия страна была передана Византии. И хотя грузинские летописи и передают, что "грузины сделались независимыми", в действительности они стали более зависимыми, чем прежде. Теперь, в мирное время, находясь под протекторатом Византии, фактически вышедшей победительницей в соперничестве с Ираном, Гурам был лишен свободы действий. Во внутренней же политике власть его была ограничена эриставами, поддерживаемыми империей. С помощью этой хитрой уловки Византия полностью предотвращала укрепление единоличной власти правителя Картли и исключала возможность восстания здесь упраздненной Хормиздом царской власти.

Что касается малых царств на территории Кавказа, то в отношении к ним у Византии наблюдается тенденция к их упразднению и возможному присоединению к империи в форме образования новой провинции. В противном случае, как более эффективная мера, использовалось назначение местной знати в качестве правителей с

тщательно отобранными рангами.

Для укрепления своих связей с христианскими странами Востока после установления мира в 591 г. Маврикий предпринял очередную попытку объединения армянской и ортодоксальной церкви, собрав в Константинополе собор. Католикос Мовсес II отказался принять в нем участие, а всех епископов, прибывших в столицу и согласившихся на союз, предал анафеме. Тогда Маврикием в противовес католикусу Армении был назначен халкидонитский армянский патриарх, резиденция которого находилась в непосредственной близости от Двина, в Аване. В Грузии же унияльная политика Маврикия была более успешной. Грузинская церковь во главе с патриархом Кирионом признала постановления Халкидонского собора. В целом же единение с монофизитами было чрезвычайно затруднено.

В третьем параграфе исследуется переселенческая политика Маврикия и подвергается критике понятие "доктрина Маврикия", введенное в научный оборот Э. Даниеляном. Согласно ему, конечной целью Византии в Армении было уничтожение военного потенциала и ассимиляция армян, для чего использовалась практика переселения. Эта точка зрения широко распространена в арменоведении. Ключ же к пониманию переселенческой политики Тиверия и Маврикия следует искать в том демографическом кризисе, а также разложении военной организации, которые переживала империя. Следует признать, что политика организации армянских поселений на Кипре и во Фракии имела свое существенное влияние на развитие сельского хозяйства этих регионов и на укрепление их обороноспособности.

Обе державы черпали новые силы из армянских воинских контингентов. Сам факт появления армянских войск на Балканах не следует оценивать однозначно отрицательно. При той устоявшейся военной организации армян, подобного рода переброска армянских войск за пределы их родины не была бы возможна без предварительного согласия с армянскими нахарами. Безусловно, переселение большого количества армян с постоянного места жительства имело свои негативные последствия, хотя и не столь трагические, поскольку они переселялись компактными группами, со своими семьями, что обеспечивало им возможность сохранить свое этническое лицо на долгие столетия.

Другой вопрос, на который обращается внимание, это - вынужденно ли поступали армяне на службу империи и Ирану? Своеобразие положения в Армении как раз и состояло в том, что государственность отсутствовала, а военные институты продолжали существовать и развиваться, и их развитию способствовали как сохранение нахарарского строя, так и постоянное ведение войны на её территории. Существование соперничества двух держав при их общем истощении давало армянским нахарарам блестящую возможность достаточно вольно трактовать свои обязательства перед господствующей в их стране державой.

Привлечение армян Маврикием для несения военной службы явилось одним из способов избежать обязательной воинской повинности для граждан империи. Лишь чрезвычайной заинтересованностью Маврикия в Армении и армянах объясняется то, что Маврикий терпел постоянные заговоры армян и наказывал их, за редким исключением, весьма условно. Наши позиции с арменоведами совпадают лишь в том, что мы также признаем, что именно в годы правления Маврикия происходит весьма значительное изменение в отношениях империи к армянам. Однако мы считаем, что эти изменения происходят не в сторону усиления давления на армян, а, напротив, приводят к появлению определенной гибкости в отношении к ним.

В третьей главе рассматривается восточная политика Византии в годы правления Фоки. В византиноведении существует устойчивое представление о правлении Фоки как об отступлении от общего направления развития Византийской империи. Однако эта ошибочная точка зрения является результатом крайне тенденциозного отношения современников Фоки, писавших в угоду свергнувшего его с престола Ираклия и представивших его как одну из самых одиозных фигур на византийском троне. Отсутствие объективных источников приводит к тому, что много неясного остается и в ситуации на Востоке в годы правления этого императора.

Вспыхнувшая вновь в 604 г. война с Ираном представляла в тот период особую опасность для империи, так как междоусобицы в армии привели к ослаблению военных потенциалов Византии на Востоке. В связи с этим интерес Византии к странам Закавказья и к Армении возрастал. Как только война переместилась на территорию Армении, в нее немедленно включились и армянские нахарары,

первоочередной задачей которых была защита своих владений. Участие армян в войне на стороне Ирана нельзя объяснять их преданностью памяти Маврикия, как это делает Стратос. И в этой войне армяне воевали как в армии Ирана, так и в армии Византии, что, во-первых, определялось тем, кому они были подвластны, а во-вторых, их личной политической ориентацией.

Пожалуй единственное, в чем можно полностью признать несостоятельность Фоки, это его религиозная политика. Отступив от принципов толерантности, которых придерживался Маврикий, Фока именно в период успешного наступления персов поспешил объявить себя ревнителем православия. Это естественно усиливало антивизантийские настроения на Востоке.

Фока является первым после Юстиниана императором, чью политику многие исследователи характеризуют как прозападную. В целом, попытки исследователей охарактеризовать политическую ориентацию отдельных императоров, правивших в этот период, как прозападную или провосточную, являются, на наш взгляд, неплодотворными. В известном смысле, мы можем утверждать, что вплоть до 50-х гг. VI в., то есть до тех пор, пока существовал могущественный и традиционно враждебный империи Иран, ни о какой ориентации политики только на Запад речи быть не могло. В сущности, именно невозможность вести войну на фронте заставила Фоку искать мира на Западе, с тем, чтобы сосредоточить все силы для борьбы с Ираном.

Четвертая глава посвящена политике императора Ираклия и является ключевой в представленной диссертации. При Ираклии нашли свое логическое завершение многие тенденции в восточной политике империи, зародившиеся при его ближайших предшественниках. Сама неординарность личности этого императора оставила свой след на ходе исторических событий.

В первом параграфе рассматривается ситуация в Византии после захвата власти Ираклием. В противовес ранее существовавшему мнению о том, что правление Фоки не имело никакой социальной базы и было крайне непопулярным в империи, Житие Федора Сикеонского свидетельствует о том, что армия сохранила верность ему и после его казни. Представление о том, что Ираклий был одинаково восторженно встречен во всех частях империи

оказывается теперь неверным. Восстание в Малой Азии удалось подавить только к началу 611 г. благодаря тому, что император сумел договориться с командиром армянским контингентом в армии повстанцев патрикием Юстином. Мятеж в армии был следствием отказа византийской армии признавать нового императора, вероятно из-за того, что он являлся ставленником тех же социальных сил, которые поддерживали Маврикия, свергнутого Фокой при всеобщей поддержке армии.

Поражение византийского оружия в войне с Ираном всегда вменялось в вину Фоке. Однако, если обратиться к хронологии персидских завоеваний, то выясняется, что активизация военной экспансии Ирана приходится именно на первые годы правления Ираклия. Одной из главных причин столь стремительного завоевания персов следует признать то, что Ираклий, оказавшись без поддержки армии был не в состоянии обеспечить оборону Востока.

Анархия, царившая в армии, была одним из проявлений того кризиса, который царил в империи. Трудности, с которыми столкнулся Ираклий, состояли в том, что фактически с 604 г. и до конца 20-х гг., вследствие персидской экспансии, империя уже не представляла собой единого экономического организма. Сложилась почти безвыходная ситуация, когда кризис в экономике империи препятствовал новому набору наемников, а явившееся следствием этого ослабление армии, имело результатом продвижение персов вглубь страны, что, в свою очередь, усиливало кризис в экономике. К 622 г. империя лишилась всех своих восточных провинций.

В создавшейся ситуации перед Ираклием встала задача не просто организовать новую армию, а создать хотя бы относительно стабильность в империи, и лишь на этой основе нормализовать положение в армии.

Во втором параграфе исследуется состояние византийской армии до начала восточных походов Ираклия. Принципы набора в византийскую армию и источники ее пополнения в годы правления Ираклия остаются неясными. Однако можно утверждать, что византийская армия нуждалась в реорганизации и в увеличении удельного веса в ней кавалерии. Для проведения перестройки в армии требовались время и средства, так как кавалерия была наиболее дорогостоящим родом войск.

Именно в этот период возрастает значение армянских контингентов в армии Ираклия. Высокий уровень военной культуры и традиционные связи с христианской империей позволяли им быстро адаптироваться, а части армянской аристократии, возможно, путем религиозного компромисса, быстро продвигаться по иерархической лестнице вплоть до самых высоких положений в империи. Кроме того, эти же армянские нахарары, особенно выходя из Восточной Армении, подолгу служили в Иране, были прекрасно осведомлены о состоянии дел в персидской армии, и их боевой опыт мог чрезвычайно пригодиться.

Традиционной в византиноведении была постановка вопроса: были ли в армии Ираклия наемники, или службу несли только граждане империи. Неверным представляется утверждение Стратоса, что Ираклий выиграл войну с греческими силами. Так как Византия не была моноэтническим государством, то и армия ее никак не могла быть этнически однородной.

В данной работе мы не затрагиваем вопроса о феином строе, однако, замечаем, что ни один источник не дает сведений о том, что воины были посажены Ираклием на землю. В момент его прихода к власти фактически все восточные провинции находились в преддверии персидских завоеваний. И если даже допустить, что земли были предоставлены воинам, то представляется невероятным, чтобы за столь короткий срок им удалось добиться таких доходов от земли, что они позволили бы полностью экипироваться.

По мнению Дж.Холдона, единственно благоразумным шагом было возвращение наследственной военной службы. Введение наследственной службы объяснило бы многое в победе, которую одержал Ираклий над Ираном, однако, мы не располагаем документальным подтверждением этого.

Третий параграф главы посвящен последним войнам Византии с Ираном. Целью кампании Ираклия на Востоке было отвоение византийских территорий и заключение мирного договора. Передача церковных сокровищ патриархом Сергием для нужд войны придавала ей дополнительный характер крестового похода.

Когда византийцы вошли в Восточную Армению, они потеряли скорость в своем продвижении. Здесь сказывалось отличие в отношении к империи местного населения византийской и персидс-

кой частей Армении. Это еще раз демонстрирует, с какой осторожностью следует оценивать взаимоотношения империи с различными областями Армении. То, что византийская армия продвигалась по Персармении сравнительно медленно, что армяне обладали значительным воинским потенциалом, а также то, что персы на этой территории были малочисленны, позволяет сделать вывод, что на этом этапе войны борьба шла между византийскими и армянскими войсками, а не между византийскими и персидскими.

На вопрос, почему Ираклий не пытался захватить незащищенную столицу Ирана, исследователи отвечают по разному. Важным моментом для понимания особенностей взаимоотношений Византии и Ирана являлось то, что ни та, ни другая держава не стремилась к полному уничтожению своего противника, а претендовала лишь на отдельные провинции и страны, чье вхождение в состав этих держав было в известной степени случайным, и которые в силу этнической, конфессиональной и экономической целостности были склонны к отпадению.

О заинтересованности Византии в установлении контроля над этими странами говорит участие Ираклия в междоусобных спорах иверских владетелей. Оно обеспечивало ему не только союзников в войне, но могло иметь и более важные последствия. В конечном счете, не только военные победы определяли политическую ситуацию на Востоке. Ситуация в кавказских странах складывалась так, что жители их не могли оказаться в стороне от борьбы двух держав, так как в первую очередь решался вопрос, под чей протекторат перейдут эти страны. Вопрос стоял так: либо эти народы становились союзниками империи, либо ее врагами. О нейтралитете речи быть не могло. То тех пор, пока симпатии жителей этих стран были на стороне Ирана, дело Византии было безнадежным. С этой точки зрения, длительное пребывание Ираклия на Кавказе и в Армении является свидетельством осознанной и последовательно проводимой политической линии, направленной на союз с кавказскими народами, что явилось залогом его окончательной победы.

Победа над Ираном была одержана с чрезмерным напряжением сил, во многом благодаря содействию воинских контингентов, состоявших из лиц, не являвшихся гражданами империи.

В четвертом параграфе рассматривается обстановка на Востоке после окончания войны. В ней анализируются причины победы Ираклия и ее последствия.

Существует мнение, выраженное В.Кучмой, что победы Ираклия имеют своим источником рефлекторную защитную реакцию крестьянской общины. Однако столь короткий срок, а главное - огромные территориальные завоевания персов, не позволили общине достигнуть такого уровня развития, при котором она сумела бы обеспечить победу империи над Ираном.

Причины военных побед Ираклия, по нашему мнению, следует искать в том, что ему удалось привлечь на свою сторону армянских и грузинских феодалов в то время, когда война в течение шести лет проходила в основном на их территории. Огромный рост влияния армян в империи, наблюдавшийся в годы, непосредственно следующие за победой Ираклия, подтверждает заслуги армянских воинов в разгроме Ирана.

В пятом параграфе рассматривается роль армян в истории Византии в начале УП в.. Отмечается, что ряд западных ученых вслед за А.Грегуаром называют УП в. "армянским веком" в истории Византии. Понимание УП в. в истории Византии "армянским" в том смысле, что "армянское происхождение Ираклия оставило интересный и красочный этнографический отпечаток" /И.Шахид/, представляется неверным.

Ранняя история Византии уже давала нам примеры чрезвычайного возвышения отдельных этнических групп в империи. Как правило, эти народы оказывали свое политическое влияние в империи посредством тех военных услуг, которые они ей оказывали в период острой нужды в воинах. Формально возвышение армян в правление Ираклия имело те же причины, но фактически их влияние на характер развития византийского государства оказалось значительно более глубоким. Помимо той конкретной помощи, которую они оказывали имперскому правительству и в борьбе с восточными провинциями, и во взаимоотношениях с Ираном, и на государственных постах в Константинополе, они оказали глубокое воздействие на всю византийскую культуру и идеологию, послужив одной из причин поисков новых форм конфессионального примирения; и на дипломатию, часто выступая

в качестве посредников в переговорах, и, наконец, на формирование армии нового типа.

Укрепление связи империи со странами Закавказья нашло отражение в практике раздачи высших имперских титулов правителям этих стран. Чрезвычайно сложно на основе наших источников понять каким реальным содержанием была наполнена эта титулатура на Кавказе и какого рода связь с империей она характеризовала.

История взаимоотношений империи с народами Закавказья дополняет картину политической обстановки в империи в это время, а с другой стороны, позволяет уяснить политическую ориентацию местной знати накануне арабских завоеваний.

В период ослабления престижа империи и сокращения политического горизонта византийской дипломатии правительству Ираклия удалось соединить интересы значительной части нахарарской знати с интересами империи, что имело выдающееся значение для победы Византии над Ираном, а позже, благодаря достигнутой стабильности, и для сохранения империи, хотя и сильно урезанной в своих границах, в борьбе с арабами.

Следует отметить, что стремление обладать Арменией и Грузией не было для империи самоцелью, а было продиктовано целым рядом объективных причин. Необходимо отказаться от такой точки зрения, когда любые взаимоотношения империи и стран Закавказья рассматриваются как взаимоотношения агрессора и жертвы. Что касается Армении, то, с одной стороны, горячее стремление империи иметь ее под своим протекторатом, получить доступ к ее зерну, полезным ископаемым, золоту, пользоваться преимуществами контроля над стратегически важными пунктами Армянского нагорья; а с другой стороны, существование в Армении нахарарского строя и мощной боеспособной конницы - все это заставляло империю проявлять значительную гибкость в отношении к Армении и армянам.

В заключении приводятся основные выводы диссертации. Основным ее выводом является то, что ассимиляция армян и других народов Закавказья не только не входила в задачу двух империй, но и во многом противоречила их интересам. Культура этих народов была во многом связана с иранской, а с другой стороны, христианство роднило ее с византийским культурным миром. Если исключить в общем-то эпизодические моменты, например,

строительство капищ и гонения на христиан в Армении в начале 570-х гг., или борьбу с монофизитством в первые годы правления Юстина, то мы наблюдаем, что ни Иран, ни Византия в к. VI - нач. VII в. не стремились осуществить духовную экспансию силой и в широких масштабах.

Положение этих стран между Византией и Ираном действительно лишило их во многом политической самостоятельности. Но, с другой стороны, их опасное проживание между этими двумя мощными культурами Востока привело к концентрации духовной, культурной силы этих народов. Иными словами, экстремальные условия существования послужили причиной для необычайной активизации духовной жизни армян и других народов Закавказья, явившейся защитной реакцией на опасность быть поглощенными народами, играющими державную роль в истории.

Страны Закавказья в данный период истории занимали чрезвычайно важное место во взаимоотношениях между Византией, Ираном и народами Востока. Они не только являлись простыми субъектами политики двух империй, но сами активно действовали на политической арене, зачастую диктуя свои условия обеим державам.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Внешняя политика Византии и восстание армян 571 г. - XI Республиканская научная сессия молодых востоковедов. Тезисы докладов. Ереван, 1985 /на арм. яз/.
2. Роль армян в укреплении военной мощи империи в годы правления Ираклия. - XII Республиканская научная сессия молодых востоковедов. Тезисы докладов. Ереван, 1986 /на арм. яз./.
3. К вопросу о кризисе в византийской армии в VI-VII вв. - Республиканская научная конференция молодых историков. Тезисы докладов. Ереван, 1987 /на арм. яз./.

п. Юсупов